

Сов. Россия - 1992 - № 11.

Виктор РОЗОВ:

«ПОКА ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ...»

Беседуют известный драматург Виктор Сергеевич РОЗОВ, его сын Сергей и корреспондент «Дня» Сергей СОКОЛКИН

В. Р. Сейчас мы живем на льдине, отколовшейся от массива. И плаваем. Мы похожи на Атлантиду, которая уходит под воду. Недавно Наталья Солженицына в интервью привела этот же пример — уходим под воду. И надо спасать страну какими-то очень добрыми делами... Я космополит. Но родился я в Ярославле. Корни мои остаются на Волге, в Костроме, Ветлуге. Поэтому я, конечно, глубоко чувствую Достоевского, Пушкина, Толстого. Я двойко отношусь к людям, вырвавшим свои корни. Это в определенной степени несчастные люди. В чем-то они могут преуспевать, но в чем-то они беднее нас. Ведь это такая радость — иметь корни. Я много ездил по свету. И в любой стране я сразу начинаю по пальцам считать дни до возвращения. И этим я счастлив.

С. Р. Видишь, папа, в чем ваша разница. Ты считаешь, что война еще не началась, что ее можно предотвратить. А Сергей (газета «День») считает, что война в самом разгаре, что у нас вражеское, оккупационное правительство. И я не скажу, что я целиком не разделяю эту мысль.

Представь, что тебе сказали бы, когда ты уходил в ополчение в 1941-м: зачем, мол, вы это делаете, ведь вы там и живого человека убить можете? Нельзя ли с фашистами как-то поговорить, убедить их по-хорошему. Ну и что ж, что они оккупанты. За Москвой Россия не кончается...

В. Р. Я понял твой образ. Но одно дело, когда в прямом смысле — с пушками, танками, бомбами, а другое дело — война умов, идеологий. Такая война не должна ни убивать, ни ранить. Она должна воздействовать...

С. С. Что значит должна? А если аскети убивают? Вы были 22 июня у «Останкино»?

В. Р. Я не был, конечно. Видел по телевидению. Страшное зрелище.

С. С. А ведь там было около ста русских писателей. Ведь там были избитые люди, были дане убитые. А официальная пресса все отрицает, хотя есть доказательства... Значит, идет война, идет геноцид. Убивают негодных людей — целенаправленно.

В. Р. Я так не считаю. Я думаю, что сейчас смутное время. Используются разные мерзкие методы, вплоть до убийств. Но это и должно нас остановить.

С. С. Когда бьют людей? Надо сначала прекратить эту бойню, а потом уже «остановиться» самим.

В. Р. Вы знаете, поздно... Уже раздразнили. Уже поздно.

С. С. В том-то и дело, теперь нужно обороняться.

В. Р. Нет, сейчас надо делать резкий откат. Кричать нужно: «Что же мы сотворили?!» И искать пути мира, а не пути обострения войны. А так будут убивать. А потом на площадях на митингах уже танками давить будут.

С. С. Значит, давайте все-таки вести себя как в Великую Отечественную. Ведь был заключен мир с Германией. Но сначала их все-таки выгнали с нашей территории. Мовет, надо так же поступить и с этим проамериканским антигосударственным правительством. Тогда и наступят в стране гражданское согласие и мир.

В. Р. Вы знаете, я плохой политик и не могу вам здесь ничего рекомендовать и даже не могу высказать своего собственного мнения. Наступит мир или все обострится.

С. С. Но вы же чувствуете как художник.

В. Р. Я не только чувствую, что творится, я переживаю почти на уровне Ю. Друниной, которая на этой почве покончила с собой. Если бы я был моложе, я бы пошел на какой-нибудь подобный акт. Ведь я никуда не хожу, мне гадко видеть людей, которые бесстыдно оплевывают все до основания, в том числе и Великую Отечественную. Хотя вас это, наверное, волнует не так, как меня.

С. С. У меня в семье есть погибшие.

С. Р. К нам в Институт культуры студенты сейчас поступают (вашу редакцию это должно обнадеживать!) с высоким уровнем патриотизма. Он очень высок среди молодежной элиты. Это здорово! Ведь мы еще лет 10 назад были ориентированы прозападно. Из-за маразма того социализма. Так же маразм нынешнего демократизма толкает на очень осознанные патриотические позиции. К нам вчера на режиссуру поступала девочка 17 лет. Все читают прозу, басню, ничего не говорящие стихи. А она — «Клеветникам России». И как читает! Нас всех полоснуло. Мы спрашиваем: «Откуда это у вас?» Она говорит: «Я

взяла то, что мне близко, что не могу вам не прочитать». Видите, зреет в молодежи цивилизованный патриотизм.

В. Р. Очень хорошо, я целиком за цивилизованный патриотизм.

С. С. Цивилизованный патриотизм — это когда, вместо того, чтобы торговать водкой (на радость Ельцину), ребята едут в Приднестровье защищать Родину.

В. Р. Я читал об этом, видел у Невзорова. Но я бы хотел, чтобы в Приднестровье не было войны, чтобы не убивали и не стреляли. Мне ближе то, что делают в Осетии, разъединяя враждующих. Но оставим это.

С. С. Виктор Сергеевич, у вас ведь в дни «путьча» день рождения... Праздник это был для вас или трагедия?

В. Р. Сначала, сбитый информацией с толку, я подумал, что победа у «Белого дома» — дело хорошее.

С. С. А само понятие «Белый дом» вам нравится?

В. Р. Нет, мне вообще не нравится засилье искусственно привнесенных в нашу жизнь иностранных слов. Многие я просто не понимаю. Это отдельный серьезный разговор. Тут часть судьбы нашей культуры. Я не люблю буржуазный образ жизни. И когда рассмотрел все элементы спектакля, я понял, что меня обманули. Но «добил» меня развал страны в Беловежской пуще. Это злое дело что-то. Страна в жутко униженном положении. Мы побежденные. Я своему другу профессору Казаку в Кельн писал, что я испытываю то, что он, возможно, испытывал, потерпев со своей страной от нас поражение в 1945 году. Нам плюют в физиономию, ставят на колени, выкручивают руки, нам навязывают не свойственные для нас решения. И я смотрю на строительство капитализма в СССР как на строительство социализма в одной отдельно взятой стране, то есть, может, и будет у нас капитализм, но лет через сто пятьдесят. А пока — «дикий Запад».

С. Р. А для меня после пущи сразу две трагедии стали ясны: первая — это потеря Родины, а вторая — потеря надежды, что я когда-нибудь буду жить в правовом государстве. Кстати, Ельцин после Беловежья стал незаконным Президентом. Ведь люди за него голосовали, когда Россия была в рамках СССР. Многие голосовали по принципу: «Пусть он Горбачева подпирает, это полезно стране». А проголосовали бы за него как за руководителя страны, допущенного к ядерной

кнопке, когда он с моста в мешке прыгает, — вопрос... Убежден, Ельцин без Горбачева, без СССР не имел бы шансов победить.

С. С. Самое страшное, что у этого правительства нет мыслей о строительстве государства.

В. Р. Вот, вот! Потому я и скажу, что ваша газета напрасно так нападает на Горбачева. Ведь он — жертва!! Он затеял хорошее дело в самом начале...

С. С. Тогда вам надо признать, что он очень неумный человек, если впоследствии поддался на такие провокации...

В. Р. Он не поддался. Его победили, сломали. Номенклатурная система, поддерживаемая доверчивыми интеллигентами. Человек совершил гигантский подвиг!

С. С. Значит, вы не считаете режиссером «августа» снимающего с себя ответственность Горбачева?

В. Р. Не считаю.

С. Р. Да другие были инициаторы! Такое впечатление, что еще за день до «путьча» в «Белом доме» сотни людей сидели и ждали министерских портфелей. Это в разгар отпусков, между прочим. По-моему, один Горбачев и оказался «не у дел».

С. С. Давайте вернемся к Прибалтике.

В. Р. События в Вильнюсе — это начало нашего несчастья. Здесь я больше всех виню американскую администрацию, настаивавшую на изменении границ. Почему наши не мотивировали отказ нерушимостью послевоенных границ? И как только тронули границы, так сразу все и покатило к войне. И, дрогнув в Вильнюсе, Горбачев совершил самую страшную и непоправимую ошибку. Она вызвала ту кровь, которая сейчас течет в Приднестровье, на Кавказе, в Таджикистане. Я против насилия. Но насилие оправданно, когда оно предотвращает еще большее насилие.

С. С. Тут, видимо, неразбериха в терминах. Вы это называете ошибкой, а мы называем предательством. Кстати, «преступная халатность» тоже карается законом.

В. Р. Вот мы сразу с вами и расходимся. Человек может ошибаться. Ошибка есть ошибка.

С. С. Но ведь за эту «ошибку» С. Парфенов все еще сидит в тюрьме, многие потеряли работу, дома, семьи ходят «под вышкой». Ошибаться можем мы с вами. А с президента и спрос другой. За эту «ошибку» идет война в Карабахе.

В. Р. Вы рулите в другую сторону. Произошла ошибка. Надеялись остановить, а поощрили экспансию, агрессию.

Вывули одну маленькую деталь из огромного механизма, и он весь стал разваливаться. Надо было вызвать Ландсбергиса и убедить его отложить на время отделение, не рвать сразу все связи. А в случае отказа применить силу.

С. С. Да убеждали и не раз. Но ведь и американцы вмешались, как всегда, объявив Прибалтику зоной своих жизненных интересов. И Горбачева отстранили как ненужного. На этом этапе нужнее стал Ельцин.

С. Р. Вы уравниваете Николая II и Лжедмитрия, идущего на чужих штыках к победе. Ну растерялся человек, что теперь?

В. Р. Горбачев не нашел себе достаточного количества сторонников для совершения этой реформы. Я не любил время Брежнева, уж не говорю о сталинском, и хотел реформ. Но меня насторожили слова Горбачева «перестройка революционным путем». Ведь надо «эволюционным путем». А все — нетерпение. Вчера выступал Ельцин. У него одутловатое лицо. Мне стало его жалко. Он мечется. У него нет государственного ума, чтобы вывести страну из кризиса. И это естественно. За 70 лет у нас в первую очередь истребили инакомыслящих. И поэтому у нас нет руководителей...

С. Р. Одному лидеру выбиться сейчас не дадут. Будут индивидуальные провокации, выкапывание фактов. Только в групповой гонке может прийти оппозиция к власти, когда время фиксируется по последнему.

И кроме того, почему мы ведем разговор о «твердой руке» личности, а не о «твердой руке» закона. У демократов был, кстати, шанс красиво войти в историю. Это когда памятник Дзержинскому свалили... Надо было этот памятник восстановить. Не идти за властью толпы, а проявить правовую твердость. Поставить памятник на место! А потом, к вечеру, демонтировать. Но уже после принятия решения, на законном основании.

С. С. Да законы-то у нас есть. Просто их никто выполнять не хочет, начиная с пары десятков президентов. Они сами как «революционные матросы» (только к тем вонд из Женева приезжал, а к этим — из Вашингтона). Что же касается «групповых гонок», с этим я согласен. Нам нельзя разделяться. У нас и так раздавлена Церковь, перебиты традиции, отсутствует народ как таковой.

В. Р. Я не согласен, что у нас нет народа. Еще часто говорят, что «давайте, мол, жить, как в цивилизованном обществе». Да, у нас увеличилось количество потерявшихся, опустившихся людей. Но я много вижу других, нормальных, хороших людей. И на музыкальных конкурсах, и в театрах. Я презираю нашу прессу, считающую нас нецивилизованными. Мы живем в цивилизованном обществе. А отрицают это рабы!

С. С. Виктор Сергеевич, давайте хоть «под занавес» поговорим о вас.

В. Р. Да что обо мне... Я ничего сейчас не пишу. Я сделал пьесу для МХАТа по роману Нарокова «Мнимые величия». Работал очень долго. Роман просто великолепный. Мне кажется, что у меня получилось. Но, к сожалению, у них там не все гладко. Сам автор — бежавший при Сталине, видимо, работник КГБ. Меня не интересовали описания пыток. Я их выкинул. Меня интересовала психология этих людей. Человек, делающий жестокости, сомневается в их правомерности. До невероятности. Это трагедия палача. В нем, видимо, что-то осталось от детства, деревни, калины и т. д. Драма внутри человека — это и есть драматургия.

Вообще я мало работаю. У меня был инфаркт. И я физически писать не могу. У меня буквы пляшут. И, кроме того, я не знаю, что писать. Сменились все ценности, в которые я верил.

С. С. Ваши духовные ценности в вас не поколебались?

В. Р. Ни на секунду! Сейчас главный лозунг — «Обогащайтесь!». То есть пробуждается главный порок — жадность. Играют на самых низменных инстинктах и завлекают молодежь. Мне противопоставить этому животному инстинкту духовные ценности трудно. И возраст играет роль. Но с мерзостью надо бороться.

Богам не так противны торгаша и ими созданный наживы алчный рынок, как обезумевший в корыстолюбье иннок, который с жадностью считает барыши. Это еще Данте сказал. («День», № 32. Печатается с сокращениями).